

Надежда Плахута

Тирлин БОР

ТИРЛОМИРЫ. ЧАСТЬ 1

Надежда Плахута

Тирлин бор. Тирломиры. Часть 1

«Издательские решения»

Плахута Н.

Тирлин бор. Тирломиры. Часть 1 / Н. Плахута — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988258-5

Грезящий о полётах гном; мудрый, но трусоватый эльф; отвязная птеродактиха (с 3 желудками) и мечтательная сороконожка, (во что бы то ни стало стремящаяся стать бабочкой) — преодолевают полный опасных приключений путь от Тирлин бора до Долины фей в поисках «самого главного превращения» в своей жизни, не зная, что это превращение ...В самих себя!!!

ISBN 978-5-44-988258-5

© Плахута Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Предисловие	9
Письмо в Национальное Географическое Общество	10
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	38
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тирлин бор Тирломиры. Часть 1

Надежда Плахута

Иллюстратор Алёна Светоносова

Редактор Анастасия Погосян

Благодарности:

Галина Дубинина

© Надежда Плахута, 2022

© Алёна Светоносова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4498-8258-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Посвящается светлой Памяти моего отца- Лучшего Сказочника
на Свете...»*

Надежда Плахута

*«..Когда все упавшие камни сложатся в мост, отыщется
поюще – сияющий КУРУН-ЧУПР, – Отец Небесных Камней, ибо,*

*лишь он один на время откроет расщелину между мирами... –
СЕРДЦЕМ, выпустив МАСТЕРА ПЕРЕХОДА...»
Из древних петроглифов*

От автора

Здравствуй, мой знакомый Друг! Признаюсь., что Я, как и Ты, очень и очень люблю Сказки... Люблю их читать, перелистывать пожелтевшие от времени страницы с картинками и без; люблю слушать и... фантазировать, грезить о волшебных мирах, а иногда и сочинять, придумывать что-то своё..

На этот раз не пришлось ничего придумывать, потому что эту удивительную историю я узнала от своего старого приятеля – Эдвина Торнслипта – последнего эльфа с Тирлинского Плато, (ну, с того заброшенного острова, что на 68- й широте в ледяном ОКЕАНЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ).

Этот добрый и изобретательный эльф разрешил мне открыть миру людей записи и рисунки из своего старинного дневника, что я и делаю с Великой Благодарностью к нему и ко всем маленьким обитателям ТИРЛИНСКОГО ПЛАТО и ФЕИСТОГО ДОЛА.

ЭТА ИСТОРИЯ о МЕЧТАХ...

Можно долго-долго мечтать о чём-то несбыточном, а воплотив МЕЧТУ, не стать счастливее.

Потому что даже стоящая мечта может оказаться не твоей или не настоящей мечтой. А осуществив её, ты поймёшь, что пришёл совсем за другим

ЭТА книжка о долгом ПУТИ в поисках СЧАСТЬЯ. Но знаешь ли Ты, чего хочешь и что для ТЕБЯ значит СЧАСТЬЕ?

П. С. Похоже, не обошлось без хитрых гномичьих штучек и волшебства эльфов, потому что теперь ЭТУ КНИЖКУ можно не только ЧИТАТЬ, (рассматривая красочные иллюстрации художницы Алёны Светоносковой), но и СЛУШАТЬ...

Просто зажмурь глаза и ...окажешься в ТИРЛИН БОРЕ или на ПЕРЕКРЁСТКЕ ОЗЁР...

П. С. Мы надеемся, что Тебе и Твоим Друзьям скучно не будет...

*Надежда Плахута и
Эдвин Торнслипт*

Предисловие

Письмо в Национальное Географическое Общество

«Приветствую Тебя, Дорогой путешественник и исследователь Тирлинского¹ Плато! Не хотелось бы никого шокировать, но... я не совсем человек, вернее, я совсем не человек. Я эльф ЭДВИН ТОРНСЛИПТ, последний представитель древнего рода Торнслиптов.

Когда-то здесь был полуостров, соединённый с материковой частью небольшим перешейком. В его центре рос густой и раскидистый ТИРЛИН БОР, а в центре Бора спустя века появился ПРИЧЁСАННЫЙ ЛЕС – со странными, повёрнутыми на восток деревьями!

И, если Ты уже потратил столько времени, чтобы по воздуху или по океану добраться до этих суровых мест, то, сверившись с присланной мной картой, потрудись пройти на восток ещё полторы тирломили² по Бору вдоль длинной и рваной трещины: от МЫТОЙ ПОЛЯНЫ до старых развалин УРОЧИЩА ГНОМОВ (ТИРЛИННИКА). Там ты обязательно упрёшься в края нашей огромной и для ловека³ ЗИЯЮЩЕЙ ВПАДИНЫ – от «Небесного Тела», что когда-то упало сюда.

Я рассказываю об этом лишь потому, что именно с его загадочного падения и началась эта история...

*В силу своей склонности к эпистолярному ремеслу я попытался изложить случившееся со мной и моими друзьями (**тирлином БЛУМОМ – КРУГЛОЕ УХО, сороконожкой БОСЕЙ и доисторической птицей ПТЕРОПОПИЕЙ**) в форме лёгкой Повести – Сказки. И эту необыкновенно правдивую и лишь отчасти волшебную повесть я с трепетом в сердце и хочу рассказать Тебе.*

Ниже я привожу описание приключений, произошедших во время нашего увлекательного и полного опасностей похода через ТИРЛИНСКОЕ ПЛАТО в ФЕИСТЫЙ ДОЛ.

События эти (впрочем, как нравы и обычаи местных жителей) могут показаться надуманными или вовсе лишёнными смысла, однако я попросил бы Тебя, Дорогой путешественник и Исследователь, не спешить с выводами.

А ещё... прошу не судить строго старого эльфа, рискнувшего поведать миру о САМОМ ГЛАВНОМ ПРЕВРАЩЕНИИ в его, (и не только в его жизни...)

П. С. *В этой книге, написанной от третьего лица, я привожу выдержки из своего дневника (пятисотлетней давности).*

В нём ты найдёшь зарисовки, а также некоторые мои заметки и наблюдения.

С надеждой на скорую встречу – эльф Эдвин Торнслипт»

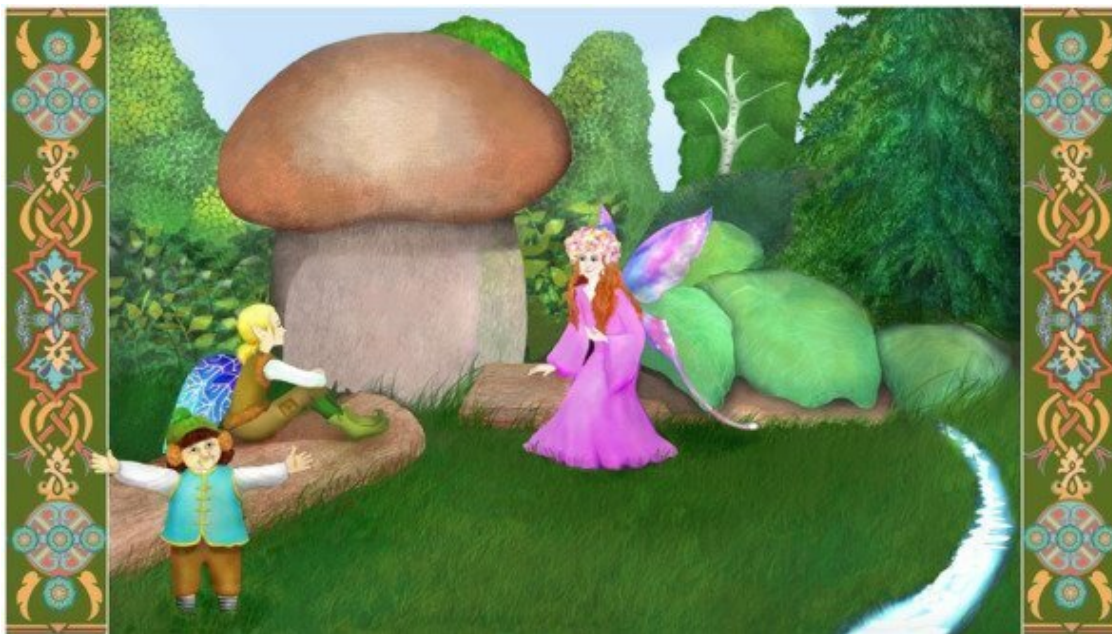
Начну-ка я не с начала, не с конца, а с середины этой загадочной истории

Итак., рыжеволосая фея, синекрылый эльф и маленький круглоухий тирлин расселись на листе лопуха под боровиком, таким огромным, что под ним, как под зонтом спокойно бы уместился пятилетний ребёнок...

¹ Тирлины-дальние родственники гномов

² Тирломиля-единица измерения в Мире Тирлинского Плато, сопоставляется с одним пролётом эльфа над ЗИЯЮЩЕЙ ВПАДИНОЙ (местом падения инопланетного существа)

³ Ловек (ами) на Тирлинском Плато называют людей

– Расскажи нам историю о камнях? – попросил свою крёстную эльф Эдвин.

– О небесных, или о земных? – с улыбкой переспросила та.

– Обо всех, фея Джева, но лучшие о драгоценных, – бодро откликнулся Блум. – Вы же знаете правду о сокровищах? – быстро заморгал он. – Ну, о тех, о похищенных...

– Всей правды о пропавших камнях не знает никто, – ответила фея, смущённо добавив. – Почти никто. – К тому же, это не слишком весёлая история. – Джаверия взглянула в сторону Тирлин Дома – урочища гномов, так, словно правитель или его прислужники могли слышать её слова. – Но вы должны знать правду. – Её голос снова обрёл уверенное спокойствие. – ...Правду о Плато, вашей Родине. – Она задумалась. – Когда-то здесь был полуостров с узким мостом на материк. В полуторе тирломилей от этого места и сейчас можно увидеть странную впадину...

– От камешка, что рухнул на нас когда-то давно! – возбуждённо воскликнул Блум. – Я знал, я знал, это был астероид...

– Упал..., и будто бы растворился, – констатировал Эдвин. – Хотя, не факт, что астероид...

– Да, такое уж это Плато, загадочное и неподдающееся объяснениям, – продолжала Джаверия. – Так вот, однажды приглашённые со всех концов света гномы и кобольды, тролли и гоблины, эльфы и феи прибыли в наши края!

За гостями следовали возы, гружёные жемчугами и изумрудами; фургоны с алмазами; слепящие глаз колесницы, доверху набитые редкостными рудами и слитками наичистейшего золота. Всех радушно встречали хозяева, ушастые гномы.

– Тирлины, – обиженно подсказал Блум, а Джаверия кивнула ему, как бы извиняясь, и продолжала:

– Под строжайшей охраной караван с сокровищами проследовал в самое сердце полуострова – в хранилище Великого Тирлина.

Косматый гном клятвенно обещал, что отныне: «ни человек, ни зверь не потревожит накоплений, нажитых непосильным трудом маленького народца»!

Вот тут-то и произошло непредвиденное!

После этих слов Блум прижал к голове уши и пересел к Джавериш, а Эдд сдержанно улыбнулся.

– Не успели гости распаковать чемоданы, как по небу с чудовищной скоростью пронеслось нечто, располозовав его надвое! – глаза Джавериш заблестели. – А трещина...

– Я знал, я знал! Это было нечто, а не астероид! – истошно завопил Блум, перебивая фею.

Однако, после небольшой паузы она снова продолжила свой рассказ:

– Окрасив закат в кислотно-лимонный цвет, трещина протянулась до самого океана, стремясь проникнуть как можно глубже – в сырые потаённые недра. Земля содрогнулась, с грохотом откалываясь от материка, а переиеек, соединявший его с миром, скрылся в ледяных водах, и все решили, что наступил конец света. Да-да..., тролли и гоблины, эльфы и феи попали в хитрую ловушку Плато, обрывистой кручей возвышающегося над бездной.

– А как же сокровища? Они что, остались там, в глубине, в тайном хранилище Шудры? – с ужасом пробормотал Блум.

– Да, там остались их вклады – богатства, соизмеримые со всем золотым запасом планеты! – печально произнесла фея.

– Как я понял, тогда никто не пострадал? – вдумчиво спросил Эдвин.

– По счастливой случайности, никто, – ответила Джаверия. – ...Никто, кроме потерпевшего крушение светящегося Небесного Слизняка, Мастера Перехода, наглухо замурованного в разломе хранилища. Но о нём знал лишь Шудра да его пара слуг.

Блум с Эдвином затаили дыхание. Джаверия с минуту помолчала.

– Они что, там, на пару застряли? – глупо щурясь, предположил Блум.

– Небесный Слизняк и Мастер Перехода, – это одно и то же существо, – таинственно проговорила Джаверия, понижая голос до шёпота. – В древнем пророчестве говорится, что однажды трещина раскроется, чтобы выпустить затворника на свободу, и закрыться навеки вечные. И что Мастер Перехода перейдёт по мосту из камней с плато земного на Плато Небесное.

– Слизняк попадёт в слизняковский рай! – покатился со смеху Блум, но... поглядев на своих друзей, придал лицу серьёзное выражение.

– Красивая легенда, – заметил Эдвин. – А, может, и не легенда вовсе...

Затем Джаверия рассказала, что пришёл новый день, и горе вкладчиков впустили в «святая-святых» хранилища – в «рукава» разбегающихся от центрального приёмника коридоров. Однако там было пусто: ни слитков, ни драгоценностей, ни обронённого в спешке камулика, ни одной изумрудной крошки.

– Это было в самом дальнем тоннеле, в котором не уместилась бы и малая доля похищенного. Так вот там отчего-то было не холодно, а наоборот, нестерпимо жарко, – говорила

крёстная эльфа. – «Так пышет из трещины магма, – невозмутимо объяснил Шудра, – А драгоценности исчезли в трещине между мирами! Пусть покоятся с миром!»

И, ему, как ни странно, поверили. «Да и кто теперь разберётся, куда пропали сокровища?! – писали в газете „Гномич“. – Но мы, тирлины, поможем нашим невольным пленникам начать новую жизнь на Плато! Ведь жизнь, – лучшая драгоценность!»

Джаверия повела своими дивными крыльями, заигравшимися в лучах заходящего солнца подобно сапфирам и танзанитам!

– Лучшая драгоценность! – зачарованно повторил Блум. – Но ...не мог же Шудра даже с сотней охранников вытащить такую вселенскую тяжесть? – неожиданно воскликнул он.

– Не мог, конечно, – согласился Эдд.

– И где же тогда сокровища?! – Блум вскочил как ужаленный, но потоптавшись на листе, снова сел.

– Этого я не знаю, – призналась фея.

– Выходит, пленники плато потеряли не только вклады, но и саму надежду вернуться к себе на Родину, – мрачно заметил Эдвин, в голове которого кипела невидимая работа, а крёстная кивнула ему в ответ.

– И что, все они так просто сдались и... приняли свою участь? – раздражённо спросил Блум.

– Сдались..., но не все, – Джаверия поглядела вверх, куда-то за шляпку гриба, кромку деревьев и за облака. – Некоторые, спустя время, бежали. Вы были совсем маленькими тогда.

Странно, но история с пропажей сокровищ не вызвала ни революций, ни войн, ни даже небольшого бунта. Да и что могла сделать кучка подневольных созданий, затерянных на чужом и холодном острове посреди океана? А пленники плато и вправду, чувствовали себя, словно муравьи на оторванном от дерева, и уносимом бурливой волной, листке.

– После падения того космического объекта прошло триста лет, – вздохнула Джаверия.

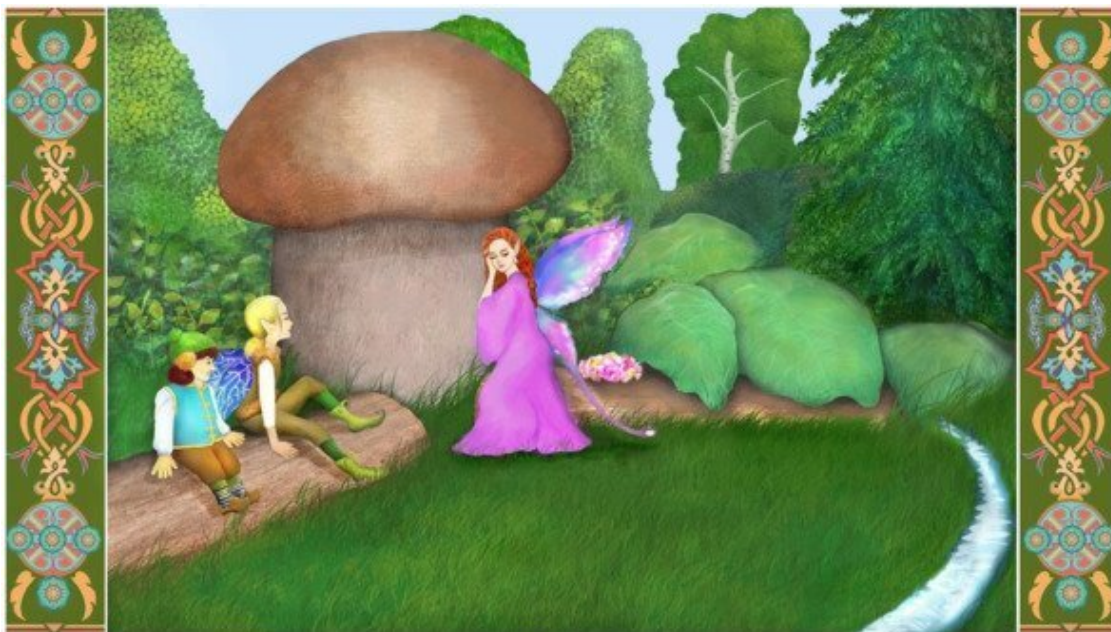
– Так всё-таки это был объект?! – вытаращился Блум. – Я знал, я знал, я что-то такое чувствовал!

– Три века – огромный срок для людей, но не слишком большой для эльфов, фей или тирлинов. – Она прикрыла глаза... – За это время в самом центре Тирлинского Бора, неподалёку от этого места разросся лес, да так причудливо....

– Наши Причёсанный Лес! – с гордостью подтвердил Эдвин. – С деревьями, как шипы дикобраза повернутыми в одну сторону!

– Вот именно! – рассмеялась Джаверия, незаметно зевая. – Строго на восток!

– С деревьями, странной впадиной, и непонятными мутантами-переростками, – буркнул Блум. Он хотел было пнуть ножку боровика, но вместо этого спросил. – Хм..., но откуда вы всё это знаете?

Но древесная фея его не слышала. После долгой дороги она так устала, что заснула, прислонясь к тому же боровику.

Глава 1 ЛОПУХОВЫЕ БРАТЬЯ

Давайте заглянем в не очень давнее прошлое, помня о том, что на Плато время идёт своим чередом...

Итак.... В один из редких погожих деньков лес огласился слаженными криками двух новорожденных – эльфа и тирлина. На большом листе лопуха лежал ушастый пузанчик, похожий на недовольного старичка и вопящий на весь Тирлин Бор.

Мать Блума сразу же умерла, и если бы не пережившая её лет на сто бабушка, (передавшая упрямцу всё, что знала и умела сама), то, ох, как не сладко бы ему пришлось в этом суровом краю!

О лежащем на соседнем листе младенце-эльфе не было известно и этого – ничего, кроме его принадлежности к древнему роду Торнслиптов, о чём свидетельствовали удивительные *карманные часы*, оставленные рядом с ребёнком. Малыш ещё не знал, что он сирота и потому терпеливо молчал, дрыгая тростинками ножек.

Нашедшая его фея назвала найдёныша Эдвином, и, одарив парой чудесных крыльев, пообещала следить за его дальнейшей судьбой. И это было всё, что могла сделать в то время Джаверия.

Когда же мальчик чуть-чуть подрос, она, чмокнув крестника мокрыми от слёз губами, улетела с другими крылатыми созданиями на Перекрёсток Озёр, где и основала поселение Феистый Дол.

Так Эдвин с Блумом остались на плато – в Тирлин Боре, в домике на Мытой Поляне с великанскими лопухами и боровиком: остались, как казалось им – навсегда.

«Но почему же эльф не полетел со своей крёстной?» – спросите меня вы.

Всё дело в том, что Эдвин не очень любил летать, да и уходить из дома тогда он тоже не собирался...

А Джаверия дала себе слово, что её следующий прилёт в эти места поставит точку в мельтешении между Долом и бесприютным, да просто опасным островом! И тогда она непременно заберёт мальчика в Дол! Подготовится и заберёт!

Прошли те вольные времена, когда ей удавалось беспрепятственно навещать юного эльфа! Теперь она действовала с большей осторожностью, выбрав средством передвижения свою особую гордость – не распознаваемый гномичьей техникой Облаколёт. Да и зачем махать без усталости крыльями, если есть лёгкое, как Безе мобильное облако?

Так вот. В очередной день рождения Эдвина воздушное судно феи с ворохом подарков и сладостей преодолеvalo привычный путь от Феистого Дола до Тирлин Бора.

«Страшно представить, что будет, если кто-то меня заметит!» —

От этих мыслей Джева похолодела, но тут же взяла себя в руки, как это умеют делать лишь древесные феи. — «Главное, оборвать мысленную связь со всем плохим!» — вслух проговорила она, поглядывая на торт, требовавший срочной, причём волшебной доставки. Красавица представила сияющую мордашку своего обожаемого крестника и облегчённо вздохнула.

Внезапно небо заволочло тучами, и планирующая в воздушных потоках ископаемая птица не заметила, как и откуда возникло это легкомысленно-кучерявое «нло». Самолётооблако «прошило» летунью, или летунья «прошила» Облаколёт, что к счастью, оказалось не опасней, чем столкновение со сладкой ватой, поэтому никто ничего не почувствовал. И только когда до ушей феи донеслось противное чавканье, она оглянулась и... побелела. В грузовом отсеке сидела невесть откуда взявшаяся то ли птица, то ли рептилия с крокодильским зубастым клювом и голой морщинистой шеей, вгрызающаяся в торт её мальчика!

— Поглощая этто, я обрываю связь с дурным и невкусным миром, — кривлялась птица, явно подслушавшая мысли Джаверии. —

И преобщаюсь к миру фей-тортожорок. Из-за твоей, фееричной, феечка, облачной тачки Птерочка опоздала на слёт ВетроПёроФ, хотя правильней было бы сказать — ВетроПеров!!

— Ветеранов Пернатого Фронта? — изумилась Джева. — Прости, странная птица, как тебя назы...?

— Пте-ррро-попия! — птица громко выкашляла крошки.

– Прости, Птеро ...Попия.

– Можешь называть просто Птерой! А ведь её, эту Попию, то бишь, меня ждали первой, ээээ, нет, второй после Доды, хотя это смотря с какой стороны смотррреть..., – вздохнула она.

– После птицы Додо? – охнула фея. – Так она ведь давно вымерла.

– Вы- мер... Да ну?! Ну да.... Да нет! Да как как ты сме.... – Птера громко высморкалась в крыло. – Смешно... До-До, как и я, вечно исчезающий вид. Сё... ня у Додочки неотложные дела на Озоне..., на Амазоне, в Амазонском селе...

– В Амазонской сельве? – уточнила фея, а птица яростно закивала, отчего ошмётки торта разметало по всему салону. – Моя древесная матушка, – еле выговорила Джева. – Но это же был лучший торт, испечённый королевскими поварами из раннего «Утреннего Тумана» с при-месью земляничной Свежести, «Взбитых морских Барашков» и целого Цветка Папоротника, цветущего раз в сто лет! Не говоря уже о Сливочных Облачках! – В изнеможении она откину-лась на спинку сиденья.

В этот момент их так тряхануло, что птицу по самый клюв втянуло в липкое сладкое.

– Тур-буль-ленность! Там были камешки такие прррр-ррикольные! – застрекотала наглая, с трудом высвобождая клюв. – Верр-рней, орр-решки....

– Там..., это были не орешки! – простонала Джаверия, уж и не чая спасти подарок. – Это была «Непреклонная Твёрдость», столь необходимая одному эльфу!

– А это чё? «Преклонённая Мягкость»?!? – кривлялась птица, наматывая на клюв нечто, напоминающее карамель – то, что ещё с утра считалось венцом волшебной кулинарии.

– А это была «Тихая Радость», причём ...лесная, – беззвучно откликнулась Джева. – ... радость моего крестника Эдвина.

– Вот её я твоему Эдвику и оставляю, – заключило это несноснейшее из созданий. – Ибо, что может быть тише, то есть, лучше тихой радости?! Эта ваша Нерпекольная Вёрдость её б на корню загубила! – рассудила Птера, зевая во весь клюв, и устраиваясь в останках торта, словно в гнезде. – Так ты летишь до плато? Надо ж так планы подпортить! Придётся с тобой переться.

О! Если бы Джаверия была обычной домохозяйкой, вечно снующей по магазинам и засы-пающей в бигудях, то она бы показала этой доисторической хамке! Но она была настоящей

Феей; а Феи просто обязаны заботиться обо всём Живом, даже если оно, это Живое ум само ум ни о чём не заботиться!

Скоро перед путешественниками замаячили контуры Тирлинника – это было урочища гномов, которые облаколет аккуратненько облетел. За ними возникли торчащие вбок деревья и разбегающиеся ручьи Мытой Поляны, где вовсю готовились к предстоящему пиршеству. Поглядев вверх, Эдвин радостно запрыгал на лопухе. Джаверия расправила свои крылышки, а Птеропопия свои, и корабль пошёл на посадку.

Последний на плато эльф пригласил на свои именины одного Блума, (не считая конечно, всегда ожидаемой феи). Кого же ещё приглашать, если все остальные (не слишком дружелюбные) тирлины живут далеко, где-то в районе шахт?

Торнслипт уже битый час болтал со своей крёстной. Его крылья подрагивали, а челюсти так и ходили, еле справляясь с попадающими в рот вкусностями, и это при том, что раньше скромняга эльф не отличался таким прожорством.

А славящийся своим недюжинным аппетитом Блум насупился. Он сидел в сторонке на неудобной занозистой коряге.

– Подумаешь, волшебница?!? – фыркнул тирлин. – Что, я, Фей не видал, что ли?!? Да о них в учебниках столько всего написано, что скучно читать! И добрые-то они, и щедрые-то они. А этот? Ещё друг называется! – гном косо взглянул на «сладкую парочку».

Джаверия с Эдвином оживлённо болтали, разместившись под знакомым боровиком. Разложив перед именинником целый ворох крыльев и крылышек, фея активно жестикулировала, видимо, советуясь по поводу их форм и расцветок.

– Тоже мне, боги! Решают, кому летать, а кому и дальше ползать! – нехорошо усмехнулся тирлин.

В этот момент Эдвин оглянулся, а Джева приветливо замахала Блуму. Их миролюбие ещё больше взбесило толстого человечка.

– Лучше я тут, в теньке посижу! – буркнул он, выдавливая из себя улыбку. Так случилось всякий раз, когда его компания казалась кому-то недостаточно интересной! – У меня аллергия на птиц, насекомых и эльфов, особенно на их крылья!

В этот момент тирлина кто-то пребольно клюнул. Птеропопия смотрела на него своим чёрным куриным глазом.

– Ты-то чего уставилась? Сама же летаешь! Всякие безмозглые создания летают, хотя могли бы и пешком походить! – бросил он в её сторону.

– Похож-ж-же, ты завидуешь-ш-шь кр-ррыльям! – шепеляво заметила птаха. – А это оч-чень не хорррошо, и дажже вврредно здоррровью! – она исподлобья взглянула на гнома, как бы фотографируя его.

– Ещё вредней воровать торты и подзуживать! – оборвал её мысли Блум, неожиданно затянув: – Лететь, как пух или перо, лететь, – как хвост или крыло.

– Торр-рты, торр-ты..., камни-то повкусней будут, – произнесла Птера, с грустью посмотрев вверх. – Но где же их в небе-то взять?!? – Лететь..., – не более того, лететь, – и больше ничего.

– Неплохо ты это..., – усмехнулся Блум. – Ну, я пойду, погляжу, что они там придумали.

– Кстати, сегодня какая пятница? – окликнула его Птера.

– Пятница такая.... Какая? Обычная пятница, – не понял Блум.

– Понимаешь ли, иногда..., по пятницам..., после сладкого, ик, и большого умственного труда...

– И большого умственного труда? – прыснул гном.

– Да, говорррить с тобой, а особенно рррисковать – большой умственный труд....

– Ты хочешь сказать «рифмовать»?

– Рисковать рифму, или рифсовать риску, так вот, имей в виду, что после этого у меня напrrррочь съезжает кrrррыша!

– Я уже понял, – хихикнул Круглае Ухо.

– А это вrrряд ли.... Повезёт – увидишь, – серьёзно ответила птица.

Нахохлившись, Птера она стала чистить своё чёрно-белое оперенье, не переставая думать о том, как можно мечтать о такой элементарной вещи, как крылья.

Блум то и дело исчезал в тени корабельных сосен, и мы бы не уделяли этому столько внимания, если бы не одно обстоятельство. Именно большие деревья отличают Тирлинское Плато от любого другого места на земном шаре. Тут нет ни пальм, ни кокосов, ни щебета райских птиц, присущего южным краям, ни сонно слоняющихся отдыхающих, потому что здесь север, короткое лето, и всё, сопутствующее климату шестьдесят восьмой широты.

Так вот, оказавшись в солнечно-тёплой пропелшине, толстяку захотелось прогреть застуженную за зиму спину в тесном кафтанчике, но вместо тепла его лопатки ощутили лёгкое дуновение, хоть ветра в помине не было. Широким шагом для гнома Блум пересёк заросли можжевельника, в то время как эльф незаметно летел за ним. Наконец, Блум оглянулся:

– Спасибо за сопровождение, Торнслипт, но скоро и я смогу так же, как ты, летать! – буркнул Блум, и они обнялись, насколько это возможно идущему с летящим. – Только представь: твой друг станет первым в мире крылатым тирлином!

– Ты, Круглое Ухо, думаешь, что Джаверия отдаст тебе крылья? – с недоверием спросил его эльф.

– А ты думаешь, мои сокровища оставят твою деревянную фею равнодушной?!? – Блум отчего-то понизил голос. – Особенно те, что я возьму из своего тайника?

– И не деревянную, а древесную. Да она ни за какие не продаст тебе крылья: ни тебе, и никому другому на свете! – заявил Эдд, словно утверждаясь в собственной правоте.

– Даже ему??? – вытаращил глаза гном. – Даже Шш-шш-шудре?

– Она никому никогда ничего не продаст, – выдохнул эльф, покосившись на свои радужно переливающиеся крылья. А, посмотрев в небо, добавил. – Крылья, это «бесценный дар...», так сказала Джаверия. Хотя лично я так не думаю.

– Чего прицепился, Эдд-двевоед? Не твои ж прошу! – буркнул гном. – Если кто-то что-то дарит, то он же, она же запросто может это же что-то продать, так же выгодней! – его тембр окрасился ворчливыми нотками. На что эльф сокрушённо покачал головой. Летающий человек лучше других понимал, что к Феям с вопросами выгоды лучше не обращаться!

– Если тебя не остановить, ты столько дров наломаешь! – Эдд преградил другу дорогу. – И чего ж ты раньше Джеву о крыльях не попросил? Прилетала ж только вот на мои именины.

– Вот именно, что «на твои»! – огрызнулся тирлин. – Не мог я так просто..., я, может, стеснялся..., а может – завидовал...

– Стеснялся он... Завидовал? – рассмеялся эльф. – Было бы чему?!? Летать – не отдых. Летать, это работа. Крылья протирать надо, ими нужно, в конце концов махать! И, потом.... Встречные потоки, гусиные стаи, снег попеременно с дождём, и ты летишь в ледяной мокрой каше..., да о чём я тебе рассказываю? А тебе прям, подай-принеси крылья?!? Приспичило, что ли?

– Да, мне приспичило! Что я, гoblin какой и не могу летать? Я, может, во сне ими брею?

– Брежу, – аккуратно поправил Эдд.

– Я, может, всю жизнь к полётам готовился, —

не унимался тирлин. —Эльфование изучал, отказывая себе во всём, копил....

– Копил ... жирок? – улыбнулся Торнслипт. – Да ладно, ладно, шучу, а если серьёзно, то может, крёстная ещё прилетит. Через годик-другой. – С сомнением выдавил он.

– Не прилетит! И ты об этом лучше моего знаешь, – твёрдо произнёс Блум. – А это – успокоительное враньё! Её ж засекли у Скошенного... у мыса! Появится снова, Шудра на уши всех поставит, и тогда ей пиши, пропаю.

– Ты прав, ты прав, – с волнением отозвался Эдвин. – Крёстной нельзя рисковать. Выходит, надежды мало, – с горечью согласился он. – Да я и сам бы отдал тебе крылья, с радостью бы отдал, лишь бы от них избавиться.

– Слово эльфа? – вытаращился на друга Блум.

– Слово эльфа, – ответил Эдд, проведя по крылу рукой. – Веришь ли, они меня давно тяготят. Представь, Ухо, что-то растёт из твоей спины! Растёт и ходит туда-сюда! Хло-хлоп...

– Хлоп-хлоп! Ах, как же я об этом мечтаю! Чудак ты, Эдвин – последний эльф! Ну ладно. Главное, дойти до древесной, а там уж как-нибудь договоримся.

– Думай, что хочешь, но я тебя одного не пущу! – мрачно заметил эльф.

– Ты мне угрожаешь?!? – с иронией спросил гном, запуская в Торнслипта земляникой.

– Не я, – откликнулся Эдд, перехватив её в воздухе – кстати, ягодка была величиной с небольшой мяч. – Тебе угрожают деревья, обрывы, бушующий океан, а главное, злые гнусы, прислужники Шудры, которых тут же пошлют за тобой вдогонку, – серьёзно продолжил он.

– За мной? Очень им надо, – недовольно пробурчал Блум.

– Не за тобой, а за нами, – ответил Эдд.

Блум внезапно остановился, отчего друг мягко врезался в его спину.

– Я полечу с тобой, но ...с одним условием! —сказал эльф.

– Ишь, ты какой! Условия ещё ставит! Летают тут всякие Торнслипты, от которых радикулит пробивает! Да кто тебя возь...? —Но под взглядом устремлённых на него синих и честных глаз сразу потупился. —А ты, и правда, пой, полетишь, то есть?!? – А когда тот с готовностью закивал, прибавил. – Уговорил, но сначала метнёмся в одно тайное место, лады?!

– Лады! – улыбнулся Торнслипт. – Только, чур, не жадничать....

– Думаю, мешка будет достаточно..., – Похоже, толстяк прикидывал, сколько запросит фея, и что у неё за крылья....

– Да, вот ещё что, – задумчиво произнёс Эдд, хлопая себя по карманам. – Старинные часы как всегда, на месте. – Тёплые вещи и сумка были на всякий случай припасены. Охотничий лук, нож, верёвка, фляжка, лупа и спички есть....

– Но главное, мой мешок! – не слушая его, твердил Блум.

– Кто о чём..., – вздохнул Эдвин. – Лучше поискал бы карту плато....

– Понимаю, – с иронией кивнул Блум. – Карта плато.... Ты, небось, и два шага не ступишь без своей карты мира?!?

Глава 2

ГУСЕНИЧНАЯ СОБАКА

«Круглое Ухо ничуть не лукавил, предлагая мне заглянуть в „одно тайное место“. Не всю же жизнь ему, как обычному гному, долбить породу в промозглых шахтах?! В блумовском тайнике хранились слитки золота, алмазы и изумруды чистой воды! А в глубине пещеры был припрятан его главный трофей: прекрасная и огромная жёлтая костяная пуговица с четырьмя почти сырными дырками, якобы „одолженная“ Блумом у спящего великана. (Представляю себе, какие толстые нитки ему пришлось перерезать)?! Пещера укрылась под валуном, незаметная с дороги и омываемая бурливым ручьём. Мы прыгали по камням, рискуя быть смытыми в воду».

Из дневника Эдвина Торнслипта

В какой-то момент толстяк Блум действительно поскользнулся, и летящему над кромкой воды эльфу с трудом удалось доволочь его до входа в пещеру. Когда же Эдд отдышался, Блум с недоверием взглянул на своего спасителя.

– Ты так смотришь, Блум, будто... не доверяешь мне? – удивился Эдд.

– Кому нынче можно довериться? – проворчал тирлин, одной части которого было стыдно, тогда как вторая, вредная часть заставляла его ворчать. – Пашешь и пашешь как каторжный, а потом приходит твой лучший друг, и...

– Мы ведь и, правда, друзья..., с детства, можно сказать, с рождения??? И всё у нас было поровну! – потрясённо воскликнул Эдвин.

– Всё, да не всё, Торнслипт, – буркнул Блум, косясь на синие крылья Эдвина. – Не видал я таких, на которых бы это не действовало?! За слитки с алмазами свою тирлинскую бабушку сдадут; не то, что друга!

– Опять ты за своё! Думаешь, я в это дело из-за твоих цапек ввязался?! – всерьёз возмутился друг, направляясь к выходу из пещеры.

– Из-за чего же ещё! – ляпнул Блум. – Стой, кому говорю! – В отчаянье крикнул он, заметив, что тот уходит.

– Тебя этому тоже бабушка научила? – с горечью спросил Эдд, останавливаясь у выхода.

Нельзя сказать, что тирлинская бабушка учила внука именно этому! Но, похоже, вредный характер передался именно по её линии! Наконец, они разобрались с драгоценностями, отложив в мешок самые лучшие: должные, по мнению Блума, непременно покорить фею. И богач Круглое Ухо и предложил Эдвину оставить себе что-то на память. И эльф выбрал, что бы вы думали? Ту самую жёлтую пуговицу!

– Хочешь показаться скромнягой, Эдди?!? Я не жлобюсь! Бери слиток, или вон тот рубин, или этот алмаз....

– Прости, но меня уже тошнит от твоих алмазов! – замотал головой Эдд, возвращаясь обратно. —

Я хочу именно её, Супер Пуговицу! Я сделаю из неё костяной щит! У каждого эльфа должен быть свой, пусть дырявый, но щит! Мало ли что? – Он заговорщически подмигнул синим, как и его крылья, глазом.

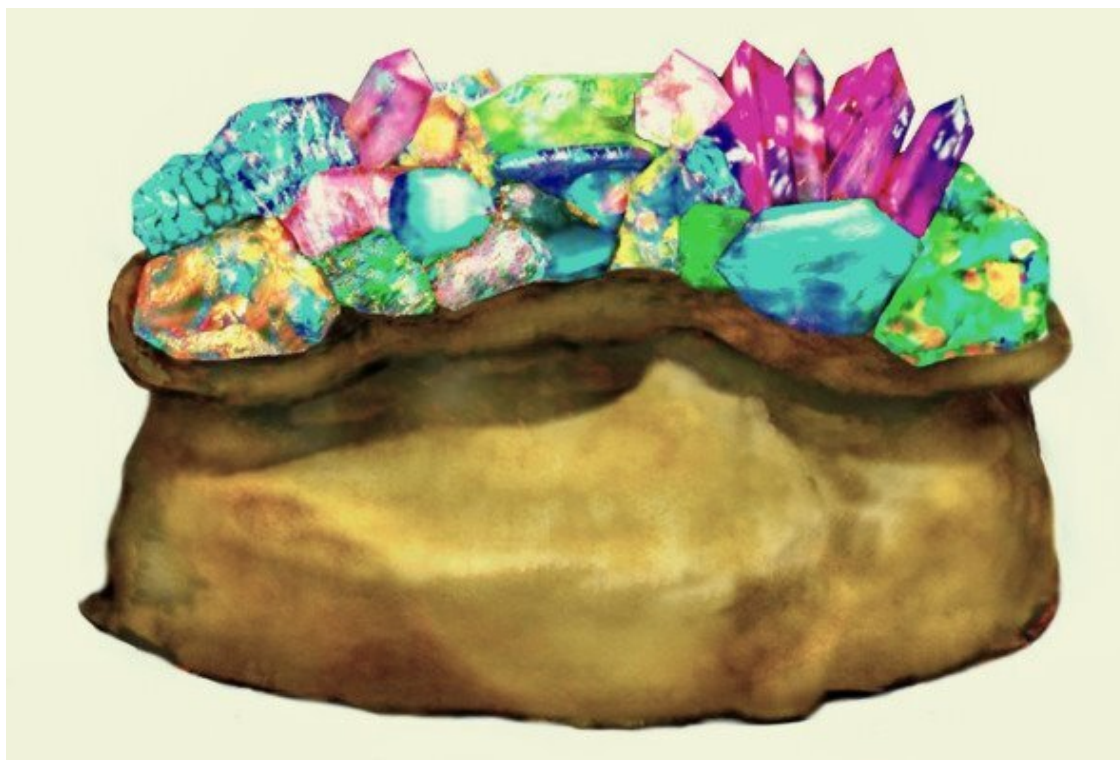
– Посмотрите на этого чудака?!? – возмутился Блум. – Говорю ему, брось фурнитуру, и не позорься, она сюда случайно попала! – Паренёк осел на мшистые камни, не в силах справиться с трудной задачей.

Так они и пререкались до той поры, пока Блума не осенило, что пуговица непременно должна стать его гномичьим талисманом! (*Уж не оттого ли, что именно её захотел Эдвин*)?!

Настырный гном попытался вытянуть трофей за торчащий конец нитки-каната; тогда как эльф ухватился за противоположный. Вдруг «нитка» зашевелилась, высвобождая пространство, шипя и змеясь в сторону выхода.

– Здесь что-то не так, Круглое Ухо! – вздрогнул эльф, таращась на это «чудо».

– Гусеничная собака, Босильда! – представилось насекомое, моргая глазами, опущенными густыми ресницами. – Охраняю сокровища лучше всякой сигнализации. Лицензия есть, паспорт готовится!

Блум немного опешил, ибо он, – не Али-Баба, а ОНО, – не сорок разбойников. Хотя, сколько же у него ножек?!?

– Сказала, собака, и точка! – оборвала его мысли Босильда. – Так мне в службе занятости разъяснили. Там лучше знают, чем и кого занять; и уж тем более, кто кем является! – Она презрительно фыркнула. – В пути могу пригодиться... за маковую росинку с тра, да крошку хлебца. И не бойтесь, на ваши слитки не зарюсь, равно как и на пуговицу!

Похоже, девица затронула нужные струнки в душе гнома.

– Не на наши слитки, а на мои! Раз он ничего не взял! – Блум высокомерно взглянул на Эдда. – Да не жадный, не жадный я..., – смущённо «расшаркался» человек. – Слитком больше, слитком меньше. А ты, раз охранная..., тявкать-то хоть умеешь?!? – любопытствовал он.

– Тявкают шавки, а я сторожевая детективно-интуитивная гусеничная, повторяю в последний раз. Вот вы сами куда идёте?

И Эдд с Блумом коротко объяснили, куда....

– Задача ясна. Я с вами иду к Озёрной, или, как там её, к Древесной Фее, – уверенно заявила гусеничная, добавив. – Надеюсь, вы бережёте природу?

– Мы – бережём! – радостно закивал Блум, на что Бося патетично воскликнула:

– А бабочки – это така..., какая ни есть природа в красках каждого дня, вот! Так в рекламе сказано косметической. А уж они-то там лучше знают, что и кому сказать! Так что давайте, мальчишки, будем дружно беречь меня!

– И от кого? – вытаращился Блум.

– Пока не знаю, будущее покажет, – туманно ответило насекомое. – Обычно оно всегда что-то показывает – всё и всем – ...на-про-па-лую, – зевнула Бося. – Короче, берегите-и точка, вот и весь мой наказ.

– Ну, ничегошеньки себе! – подивился эльф. – Не видал я таких в клубах собаководства гусиного...

– Гусеничного, – обиженно поправила его Бося. – Ни во всём Тирлин Боре, и вообще – нигде на плато!

– Откуда ж она всё узнала?!? Выследила? По следам, что ли?!? Но мы больше летели, ты, то есть, летел, а я... – почесал уши гном. – Скажите, Гусеничная Босья, то есть, Бося, мы-то вам -тебе чем сможем помочь?!?

– Это сейчас я простая гусе... ничья соба-чья..., словом, ничья! – Бося запнулась, но быстро взяла себя в руки, точнее, в лапки. – И эта беспородная собака готовится к главному превращению в своей жизни. – Выпала девушка, краснея сквозь бесчисленные ворсинки. – И тогда мне ваша помощь очень даже сможет понадобиться... О! Вот бы это произошло в Феистом Доле! —она закатила глазки.-Ну что, берёте?

И они взяли – и «гусеничью собаку», и Великанскую Пуговицу, не спрашивая, что это за превращение за такое.

Путников стало трое: Блум, Эдвин, и гусеничная собака с кошачьим именем Бося. Конечно, она не была в полной мере собакой: точнее, она не была собакой вообще; и кто знает, было ли это странное существо гусеницей? Надо сказать, что все гусеницы живут в предвкушении ГЛАВНОГО ВОЛШЕБСТВА своей жизни, – превращения в бабочку! Бося не была исключением из общего правила..., поддаваясь этому волнительному состоянию в самых неожиданных местах, и начисто забывая о своей интуитивно-дедуктивной сути.

– Вот, кажется, началось! – таинственно заявила она, прилепляясь в высокой ветке. – Будто бы запахло цветочной пылью с привкусом мёда. Мы, будущие бабочки, всегда чувствуем именно это.

– Лично я ничего такого не чувствую, – пожал плечами тирлин. – Но если ты точно начала превращаться, тогда, я, пожалуй, пойду, – спешно засобирался он.

– Не покидай меня, ты ж обещал, – взмолилась несчастная. – гусеницам моего вида так необходима поддержка..., чтобы кто-то был рядом. – Она закатила глазки. – Высвободить крылышко..., подать лапку....

– Убрать старую шкурку, похвалить новую шубку! – беззлобно передразнил Блум.

– Слыхал, девушка просит не оставлять её! – осёк друга Эдвин. – Ведь ты же наш будущий крылатый собрат.

– У-го-во-рили! Раз уж все вы свалились на мою бедную голову, то и деваться некуда! – сдался Блум. – Придётся торчать с вами в этой дыре, пока крылья не разродятся, то есть, пока её лапки, и т. д. и т. п. в крылья не превратятся. – Толстяк грузно осел на траву. – Ты лаять-то хоть умеешь?

– Говорила я вам уже, что даже **ВЫТЬ** не умею, – покраснела гусеничная. – Разве что только... **НЫТЬ**..., – девушка отряхнулась, распушила волосинки на тельце, сделала небольшую зарядку и... замерла. И пока ребята разводили костёр, она ушла в такую глубокую медитацию, на которую только была способна.

– Теперь никто, даже хищная птица не сможет вывести её из этого состояния, пока сама не захочет. Если, она, конечно, в него вошла, – пробормотал умный эльф.

– А если пощекотать? – поинтересовался всегда готовый к новому Блум.

– Я бы тебе этого не советовал, – сквозь сон отозвался Эдвин.

С тех пор, как Босильда оставила тщетные попытки своего превращения, прошло два дня. Она вышла из медитации, или из ступора..., или из... ещё не знаю, чего. Гусеница приуныла, и теперь медленно ползла за своими новыми друзьями. Что же касается эльфа, то он: то невысоко летел впереди, то энергично шёл наравне с Блумом. Зато бедолага, гном, которого отягощал даже собственный лишний вес, пыхтел и охал, толкая впереди «Великанскую Пуговицу».

– И зачем ты её взял с собой?!? – сокрушался эльф. – Ладно, давай-ка её сюда, моя очередь катить.

– Покачу докачу, лучше лопну, лишь бы тебе не досталась! – зло проворчал гном. – Интересно, как бы ты с таким «колёсиком» справился бы?!?

– Я пошутил, глупенький! – хмыкнул Эдд. – Ты думаешь, я стал бы так мучиться?!?

Эльф подлетел к гному, демонстрируя несокрушимое миролюбие, однако напряжение не ослабевало. Блум тут же оставил пуговицу, едва не придавившую Боську, и засучил рукава, готовый драться с единственным другом. Однако одна простая идея перебила его намерение.

– Давайте сделаем из неё возок?!? – предложил Торнслипт, поднимая костяную с земли.

– Насколько я приблизительно помню точные науки, одного колеса будет точно приблизительно, то есть, точно не достаточно, – неуверенно возразила Бося.

Но Эдвин думал иначе. В его голове созрел отличнейший план: нужно было только насобирать ивовых прутьев; найти хороший пенёк и прочную палку. Пока он так размышлял, на середину дороги вылетела их знакомая птица. Она была всё такой же ископаемой, только чуть менее взлохмаченной....

– Прр-ривет насекомым и пр-ррочим! – отрапортовала Птера. – Вы сегодня без фей и летательной техники?

– А, это ты, тортоежка? – сдержанно кивнул эльф.

– Это самая наглая птица из всех, кого я только знал! – возмутился Блум. – Был, правда, один индюк, но его съели под Рождество....

– Здравсстье..., – покосилась Бося, выглядывая из-за спины Блума. – Так вы насекомых совсем не любите?

– Люблю ...чисто по-человечески, то есть, по-птичьи! На таких, как вы... у меня, она издала зобом не очень приличный звук, – от-рыж-ка. Ничч-чего личного. – Птеропопия шаркнула ножкой, а гусеница осторожно выползла из своего укрытия.

– Скажите, древняя птица, как нам выйти к Фее?!? – осмелела Босильда.

Птица сразу же зачесалась, польщённая обращением. Просто у ископаемых возраст засчитывается, как у хорошего коньяка: чем старше, тем лучше.

– Вам какую из фей надобно: есть Озёрно-Болотные, Заливные-Луговые, Речные, Полевые, Цветисто-Пыльцевые, – она откашлялась. –... Холмистые, Прибрежные.... – Она что-то присмотрела на земле, наклонила голову, застрекотала клювом, подкидывая камешек. – Прр-рравда, половина из фей невидима, что не мешает мне их различать.... – Она нагнулась, снова щёлкнула клювом, в котором исчезли сразу несколько камешков. – Прр-росто Попии положено время от времени глотать камни для пищеварр-рения моих тррррёх желудков. – Она протолкнула крылом камни в глотку.

– Тут и один не прокормишь, – заметил Блум, поглаживая свой животик. – Вообще-то мы идём к древесной Фее в Феистый Дол, – сказал Блум.

– К моей крёстной Джаверии, ты ж её видела..., ты даже столкнулась с ней! – подробно объяснил Эдвин.

– И слопала её, то есть его торт! – не выдержал Блум.

– Вот как? Так вам к этой фее?!? Гм..., хм..., вот дела.... Я ж её недавно прррротарранила.... Или она меня?!? Мдаа..., волшебная женщина! – Птера... глотнула предложенной эльфом водички из глиняного кувшина.

– Ты знаешь, как её найти? – наседавал Блум. – Не томи, Птерочка! Выкладывай, Попочка. – Я тебе таких камней насобираю..., может, полудрагоценных, – добавил он шёпотом.

– Если меня с собой возьмёте, то: не исключено, возможно, местами... я вас напрямую и выведу! – расшедрилась та. – А пока я расскажу вам про одного длинноногого пацана, заблудившегося журавля, которого как-то я, ваша покорная слуга, таки вывела на чистую воду.... – Она мечтательно закатила глазки. – ...Ибо только я из всех живущих в мир-рре созданий.... – Птеропопия прополоскала рот водой из ближайшей лужицы и продолжила горделиво. – ... Только Я знаю небесный маршрут в Страну Фей.... Не считая, конечно же, самих Фей.. И готова поведать его вам, абсолютно не наживаясь на этом. – Птера протяжно всхлипнула, раскисая от собственной доброты.

«Темнело. Бося снова попыталась уйти в медитацию. Мы же с Блумом соорудили ночлег из валежника, и уже почти задремали, когда вдруг издали, из-за верхушек деревьев послышалось глухое клочкотание. Все испугались, но я взял ситуацию под свой полный контроль...».

Из дневника Эдвина Торнслипта

– Это гигантская птица полощет горлышко перед сном, – «успокоила» всех Птера, резво высываясь из повозки. Тут раздался очередной раскат, похожий на шум опрокидывающегося с небес океана. – А это она сплёвывает воду. – Добавила ископаемая. – Правда, забавно?

– Ничего забавного в этом, я, например, не вижу! – пробормотал Эдд, оказавшийся не таким храбрецом, как казался. – Вы и рептилии, к катаклизмам с Юрского периода приучены. Ты слышал, Блум?!? – пробормотал Торнслипт, толкая друга в бок.

– Глухой бы, и то слышал! – ответил гном, которого тоже слегка потряхивало. – Да-аамс, на грозу не очень похоже.

– Гроза никогда не бывает похожа на себя саму, но всегда на что-то другое – что-то ужасно-страшное! – пробормотал эльф, делая усилие, чтоб не затрястись мелким трясом.

– Когда небо темнело, – мистическим шёпотом начал Блум. – Моя тирлинская бабушка залезла на самую высокую тирлинскую ель и смотрела за тирлинский горизонт..., откуда приходили подданные ...матушки-грозушки...

– По первому зову к ней прилетали её верные подданные: доздитьки и тутьки, – смешно просюсюкала Птера.

– Что за чушь, – неуверенно возразил Эдвин. – Это сказки для мелких!

– Правда-правда! – с готовностью подтвердил Блум. – Хоть и кривляется, а угадала: несколько туч и дождей сразу же вылетают туда, куда укажет матушка-грозушка!

– Одни везут стрелы молний, другие... тащат удары грома, – эльф попытался рассмеяться, но в это время раскат, превосходящий все предыдущие, сотряс верхушки деревьев. Ветер усилился. – Надо бежать! – констатировал он.

– Не дрейф! Лезь-ка на ель, сам увидишь! – то ли приказал, то ли пошутил гном.

– Я?! – Эдд собирался признаться другу, что все в мире эльфы боятся грозы, и что кроме неё он больше ничего не боится, когда яркая молния расколола соседнее дерево. – Хватаем Боську, и делаем ноги! – не своим голосом закричал Торнслипт.

– Ты ж не верил! – подначивал Блум.

Тут гусеница, наконец-то, проснулась и подняла мохнатую голову:

– Что за шум! Не дают на главном сосредоточиться! – она потрясла собачьими ушками и невозмутимо изрекла. – Видно, не время для Волшебного Превращения!

И, правда, худшее время для превращения было трудно себе представить!

«Наконец, мы оказалась в сухом, и, главное, безопасном месте, напоминающем небольшое деревце на холме, и я, наконец, смог расспросить Блума, что же, всё-таки, делала его бабушка, чтобы остановить грозу...»

Из дневника Эдвина Торнслипта

Почесав ухо, смахивающее на цветок одуванчика, он ответил:

– Она считала, что лучшее средство, – не попадать под неё! Но если уж вы попали, то самое древнее противогрозное устройство, – обыкновенный зонт! Тогда гроза, скорее всего, не случится, а если случилась, то скоро закончится! – Он на минутку задумался. – Но разве я говорил, что бабушка лезла на ель, чтобы остановить грозу?!?

– Что же ещё она там делала, в таком случае? – недоумевал Эдвин.

– Повторяю: там она встречала грозу, вырабатывала противотучную тактику, да и просто... тренировалась! Все тирлинские бабушки прекрасные елелазы!

«Мы и не догадывались, что „безопасным местом“ оказались чьи-то ветвистые рога, обладатель которых мирно себе посапывал».

Из дневника Эдвина Торнслипта

Гусеница смотрела в глубокий и тёмный, как ночь, «океан», пока её не смыло тёплой, и отчего-то сухой волной.

– Так вот он какой, океан Невозможности! Может быть, именно здесь я и стану бабоч..., мамоч..., мамочки мои-иии....

Ух, ты! Она летела, сворачиваясь в кольцо, готовая ко всему. Старый лось, на реснице которого лежала Бося, поднял голову, моргнул чёрным глазом. Потом её подхватил кто-то во что-то холодное, похожее на мешок.

– И долго мне её так держать? – спросила Птера, давась от приступа подступающей дурноты. Из её зоба торчали Боськины дрыгающиеся ножки, – Говорила же, у меня на них это.... – Ископаемая громко икнула. – Пахнет, как тля, чес слово....

Но насекомое с такой нескрываемой нежностью поглядело на птицу, что та улыбнулась и замолчала. И только тут все заметили, что она сильно выросла, ну очень и очень сильно, став ростом почти с ребят.

– Спасибо тебе, Птерочка. Я что, стала бабочкой? – захлопала в иступлении Бося.

– Ты стала девочкой! – улыбнулся Эдд. – Бо-о-ольшой такой и настоящей девочкой.

– Просто слюна у меня волшебная, – покраснела сквозь перья Птера. – Подростительная.

– Потом все ухватились за рога, и лось деликатно поставил мелких существ на травку.

– Когда ещё доведётся поваляться на шкурах? – взгрустнул Блум.

– А я думал, что это деревце такое, – бонсай! – с лёгкой иронией сказал Эдвин.

«Есть такое искусство выращивания точной копии настоящего, только карликового дерева. По легенде, один китайский император, правящий в эпоху династии Тан (VIII – X вв.) повелел создать миниатюрную империю с деревьями, городами, реками и горами. (Словно знал о существовании Тирлинского Плато и нас, его обитателях?!) «Бонсай» означает – «выращенное в подносе».

Из дневника Эдвина Торнслипта

– Босей... не-босей, меня зовут Босей! Лестно конечно! – покраснела девочка, – Но уж точно не океан безграничных возможностей! – вздохнула сороконожка.

– А мне казалось, что это был я и мои рога! – обиженно вымолвил Лось.

– Что ж не сказал?!? – разозлился гном. – Спал себе, как скотина. Ладно, прости, ты нас выручил, сам... не зная того. – Но лось уже степенно удалялся в чащобу.

– В жизни всегда должна быть какая-то тайна, – загадочно улыбнулся эльф.

– Хоть с ветками тайна, а хоть с рогами! – добавила сороконожка.

Глава 3

ПТЕРОПОПИЯ ОБЫКНОВЕННАЯ

«После того, как к путешественникам присоединилась нахальная птица, идти стало значительно веселей. Пока мы с Блумом сооружали повозку, ископаемая облетала окрестности, собирая гибкие ветки, из которых ей с гусеничной собакой предстояло сплести кабинку с сиденьями. Пуговица, ставшая передним колесом, взяла на себя основной груз конструкции.

Два других колеса я выпилил из крепкого поваленного бурей, дерева. В повозку договорились запрягаться попарно: днём мы с Блумом, а ночью Птера с Босей. Потом мокрицу решили освободить от тягловой работ. Блум постоянно жаловался на боли в спине, вздыхал и охал, норовил занять место кучера, (не предусмотренное в проекте). Вот и выходило, что тяжёлую птицу («гусеница» не в счёт) тяну я один один».

Из дневника Эдвина Торнслипта

– Я вас всех могу, вооще, на одном крыле отнести..., на левом, Чесательном, – заявила птица, развалившись в телеге и грызя, как орешки, камушки. – Не говоря о правом, Летательном.

– Ну, так неси, – завёлся Эдд. – Что ж не несёшь? Летели бы рядом..., хоть я и один не люблю летать...

– Я о насекомых и малипупсах не говорю, – надорвёте пупочки, – нагло сказала Птера. – Без меня вы всё равно с Плато никуда не денетесь! – Она показала свой большой пунцовый язык. – Лишь я и никто другой могу вас оттуда снести! – И в нос добавила. – А могу не снести.

– Щас мы тебя департируем до гнезда, до хаты, до тирлинской, как говорится, шахты, тогда узнаешь! – огрызнулся Круглое Ухо, подходя к ней и примериваясь выщипать пару перьев.

– Ой-ой-ой, уморили, сам-то сачкует, а всё туда же, с угрозами, – Птера повалилась на землю, сотрясаясь от смеха. – Да мне за вас Шудрик такое заплатит, на всю жизнь на мою хватит.

«Тут даже я взбесился, бросил поводья, и уже вдвоём с Блумом набросился на бесстыдницу. Не скажу, чтоб мы её сильно лупили, но шуму понаделали много!»

Из дневника Эдвина Торнслипта

– Ещё одно слово, и мы тебя... свяжем! – пригрозил Птере эльф.
– Изжарим! – пообещал гном, отряхивая перепачканного в пыли Эдда.
– Проглотим! – домыслила Бося, осторожно приглаживая взлохмаченные пёрышки Птеропопии.

Прямо за Причёсанным Лесом располагалось другое загадочное место под названием Круглые Холмы.

«В мире полным-полно разных холмов, но это НЕ ТЕ холмы, (не считая курганов с сокровищами), под которыми вы обнаружите что-нибудь, кроме кротовых нор, битых бутылок или старой кирпичной кладки. ТЕ САМЫЕ холмы выступают подобно идеально круглым бильярдным шарам или инопланетным сооружениям, о которых можно заливать, сколько хочешь, и никто не поймёт, врёте вы или говорите правду. В таком вот месте и жил Король Сфер Королевства Круглых Холмов. (Почтовый адрес у него тако)! Над его норой красовалась табличка: УСЫПАЛЬНИЦА Круглого Червя. В УСЫПАЛЬНЫЕ ЧАСЫ просьба не беспокоить. (В другое время его (меня) не ЗАСПАТЬ, (зачёркнуто) не ЗАСТАТЬ)».

Из дневника Эдвина Торнслипта

Побитая и обиженная Птерка осталась дуться в возке, ну а мы решились навестить странного беспозвоночного. Хозяин оказался дома, то есть в норе, а ещё точнее, во дворце, где мирно себе дожёвывал кусок чего-то мало приглядного. Червь извинился, сослался на ЗАКУСАЛЬНЫЙ ЧАС, и оказался необъятным, но весьма продвинутым существом. А продвинули его к выходу два крупных навозных жука: продвинули и посадили, верней, разложили на листе красного дуба»

– Вам не кажется странным, что я круглый? – спросил король, немного рисуясь. Так он обычно тестировал интеллектуальный уровень собеседников.

– Что же тут непонятного? – мгновенно включился Блум. – Круглый, как колобок, круглый, как тупица, круглый, как свернувшийся глист, то есть, лист. – Тирлин мог бы ещё перечислять и перечислять, но толстяк некультурно швырнул в него жёлудем, и он замолк.

– Неужели вы не находите ничего загадочного в том, что у меня нет хвоста..., п-п-при том, что я червь?!? Что для обычного червя весьма необычно, – подсказал король, начинающий раздражаться от «святой простоты» незнакомцев.

– Так вы, и, правда, Король-Червяк? – восторженно хихикнула Бося. – Вот что странно! – Хотя..., что мешает червяку быть круглым???

– Ответ в вопросе, – насупился король, чьё раздражение уступило место расстройству. – Такая вот змеиная, то бишь, червивая мудрость.

– Все помолчали: кто из приличия, а кто из вредности. Босильда свернулась клубком в углу палаты – норы, и её вид натолкнул Торнслипта на свежую мысль.

– Хвост! – воскликнул Эдвин. – Хвост мешает червю быть круглым. Без головы обойтись труднее.

– Это, смотря кому! – сострил король, подготавливая новый жёлудь.

– А без хвоста..., – продолжил эльф, ошеломлённый своим открытием. – А без хвоста вы будто бы бесконечны и запросто в круг свернётесь.

– Ответ неполный, – пробурчал червяк, срывая с жёлудя шляпку. – Я сворачиваюсь в кольцо, а не в круг. Но где же взять необходимый объём?

– Ресниц объём сдаём внаём, – рассмеялся Блум, цитируя приевшуюся рекламу.

– Мой ответ – Сферы, – догадался Эдвин, а червяк вздрогнул всем телом. – Заползая туда, вы становитесь трёхмерным и круглым в полном объёме.

– Вы знали..., вы меня по истории проходили! – обиженно засопел простейший, напяливая желудёвую шляпку на голову Боси.

– Как же, как же! – возмутилась сороконожка, трясая головой. – Где-то после членистоногих, но до тутанхамонистых и ханобатыистых.

«Червяк сказал, что мы могли выиграть горящую путёвку в Сердце Навозной Кучи, или схему подземных коммуникаций Н. А. С.А, если он бы на них поставил! Но я ему не поверил...»

Из дневника Эдвина Торнслипта

– А у нас Усыпальный Час. – Сказал монарх, деланно зевая и подзывая к себе жуков. – И, спокойного мне засыпа. Хотя..., как тут уснёшь?! – Короля Сфер уже продвигали к выходу. Охранники тихонечко напевали:

Круглый червь, король СФЕР,
Королевства круглых холмов,
Верь-не верь, ты промерил всю глубь
И округлостей гладь
Без ЛАП, без ЛОПАТ, и ХВОСТОВ,
Без всяких искусственных МЕР...

«А мы всё брели сквозь Тирлин Бор в сторону Океана Невозможности, огибая дороги и густо населённые места. Когда, наконец, впереди забрезжила уютная полянка, мы решили сделать привал»

– Хочу рассказать вам нечто пикантное! – сказала Птера, блаженно потягиваясь в возке.
– Про роман с журавлём мы слышали, а тайну Тирлинского Лох-Несса ты нам ещё надеюсь, откроешь! – расхохотался Блум, загоравший на травке.

– Да нет же! Романы тут не при чём! – Птеропопия возбуждённо застрекотала клювом. – Вот ты, Эддик, можешь летать, но не хочешь, то есть, любишь? Блумик, и ты, Босик, наоборот – хотите летать, но не можете?! – Она решила поразмять ноги и теперь расхаживала по поляне, выпучив белый живот, опушенный тёмными перьями.

– Пока не можем, – уточнил Блум. – Но всё это поправимо!

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – нахмурился Эдвин.

– Снова-здорово..., – поморщилась Бося.

– К тому самому и клоню, – Птера громко высморкалась в платок. – Я... просто обожаю летать, но..., но....

– Не вижу логики..., – пожала плечами так называемая гусеница.

– Но я обожаю махать крыльями, круто рулить хвостом, а если придётся, и от погони уйти!

Ископаемая попыталась взлететь, что у неё не очень-то получилось, так как размах крыльев, сбивших с Блума колпак, был слишком велик для этой затеи.

– И это всё? – возмутился тирлин, поднимая с земли головным убор.

– Нет, не всё! – заорала Попия, стряхивая с крыльев репейник. – Люблю входить в штопор у самой земли; закрыв глаза бросаться со скалы в океан и делать другие глупости! – Стрекотала она.

– Птицу буквально распирало от собственной отваги и наглости!

– Бросаться..., даже если там нет океана?!? – удивлённо присвистнул эльф.

– Про глупости я тебе особенно верю! – хмыкнула Бося, чьи пёсы ушки сотрясались от смеха.

– ...Но иногда, по пятницам, после сладкого и большого умственного труда у меня просто напрочь съезжает крыша! Это наследственное! – всхлипнула Птера, не реагируя на провокации. – Потому-то я тогда и врезалась в Облаколёт твоей крёстной! – Закончила она, виновато глядя на Торнслипта и компанию. – Теперь решайте, что делать с пернатой, я вас предупредила! – Ископаемая нервно закутилась на месте, кое-как укладываясь в возке.

«Наступил вечер, звёзды проели тьму, и причудливые тени легли на поляну, а мы сидели вокруг костра, делясь впечатлениями от прошедшего дня».

Из дневника Эдвина Торнслипта

Спустя полчаса ребята залезли на высокое дерево с пышной кроной. Ведь нужно же было где-то заночевать!

– Пожалуй, птице здесь было бы как-то привычней, – проговорил Блум, пытаясь примоститься на ветке.

– А всем нам было бы намного привычней без этой птицы, – согласился Эдвин. – Но я думаю, мы бежим, то есть, идём в Долину Фей не ради привычных вещей. – Тень от возка со спящей в нём Птеропопией колыхнулась, будто бы соглашаясь с ним.

Глава 4

КУРУН-ЧУПР

«Всем известно, что гномы, тролли и прочие подземные обитатели, о чьей жадности издревле слагались легенды, добывали в шахтах золото и алмазы. В задачу работающего на Шудру мелкого люда так же входила добыча ценных руд и металлов, поиск драгоценных камней, а с недавних пор, ещё и метеоритов, которых на плато всегда было предостаточно! Однако, камней требовалось всё больше и больше, несоизмеримо больше! И справиться с таким объёмом небесного вещества было под силу разве что межпланетному гномичьему легиону, или хозяевам острова, повсюду сующим свои носы ловким и выносливым тирлинам».

Из дневника Эдвина Торнслипта

После того Великого, загадочного и ужасного исчезновения каждый найденный камень проходил строжайший контроль, заносясь в специальную книгу учёта. Да и само Хранилище, спрятанное глубже Тирлинских Шахт, сделалось ещё неприступнее, защищенное сверхчувствительной невидимой сеткой. Подданные терялись в догадках, зачем правителю целые горы неотёсанных глыбин, упавших с неба обломков. Но Шудра давал им работу, а иногда и кров, обещая щедро вознаградить того, кто найдёт самый удивительный поющее-сияющий камень Курун-Чупр – отец небесных камней... Но правды об этом не знал никто.

Сам Шудра не покидал пределов своего дворца – Тирлин-Дома, или Тирлинника, похожего на комфортабельную пещеру со множеством переплетающихся входов-выходов и с крошечными отверстиями неизвестного назначения по всему периметру потолка. Сдвоенные стены приёмной залы скрывали глубокие ниши, напичканные хитрой гномичьей техникой.

Укутанный в накидку из горносталя косматый человечек сидел на ступенях причудливой лестницы. Встроенная в потолок и инкрустированная самоцветами, она позволяла ему чувствовать себя, что называется, «на высоте»! Правитель снова и снова перечитал пожелтевшие от времени страницы:

«Спустя годы после катаклизма...», кхм..., «удалось бежать с Тирлинского....» Бежать, говорите?!? А вот же вы, это само, где: «Это были эльфы и феи, основавшие....» бла-бла-бла, *«на Перекрёстке Озёр поселение Феистый Дол».* – Шудра нервно скомкал газету, желая порвать «Путь Тирлина», но передумал. Разложил листы-ветошки, расправил-разгладил, поднёс к лицу трясущимися руками, словно пытался разглядеть между строк что-то такое, чего там и близко не было. – Никому-му, никогда-да-гда больше этого не удастся! Никому и никогда! Старые телепорты завалены? Завалены. О новых не знает никто? Никто! – похоже, гном убеждал самого себя. Сойдя на пол и скинув накидку, он превратился в обычного тирлина в посконной, подвязанной бечёвкой рубахе, больше похожей на рубище, но обшитой редчайшими самоцветами. – Палку-чесалку мне, быстро! Словно изниоткуда возник путающийся в шароварах лилипут, передавший боссу палку-чесалку – этакую «когтистую руку бабы – яги». – Сколько камней уже собрано? – нервно спросил Шудра, освобождая спину от закрученных в кипу косичек и с наслаждением почёсывая спину. Грум всё ещё стоял на цыпочках позади, но вопрос был адресован явно не ему.

– Дивинадцать возов, и примерно половина от этого объёма ещё завешивается, – прошепелявил вертлявый гoblin противной наружности. Его остроносое лицо с широко расставленными ушами смахивало на морскую звезду. Над головой человечка, мерцая, прыгал расплывчатый золотистый шарик.

Шудра посмотрел..., не на гоблина, а на круглый аквариум без воды, и зажмурился, любуясь чудесным зрелищем.

Внутри полупрозрачной сферы двигались и сияли точно такие же шарики, что и над головой слуги. Все они вместе, как одно (живое и разумное) целое, создавали необыкновенное волнообразное колыхание, проблёскивая радужными бликами ленивого в этих краях солнца.

«Забавные существа эти светляки, – размышлял правитель. – Незатейливые, но как настроение чувят! Получше бы дульгигов использовать: изучить их неземную, это самое, природу, с тем, чтоб полезного больше извлечь». В этот момент грум застучал по его спине кулачками, растирая затёкшие мышцы. Ловко сгрёб и раскатал, как на скалке, дрябловатую кожу

тирлина, словно собирался печь из неё пирог. – «Тьфу ты, что за дрянь лезет в голову, – про себя возмущался Шудра, поворачиваясь к аквариуму, в сиянии которого обозначились чуть заметные коричневые прогалины. – Как чуют, само..., будь они неладны!» – обрадовался Шудра, однако виду не показал. На душе сразу же полегчало, и он отпустил грума, зарёкшись впредь думать о негативном. В нескольких шагах от него, на ажурной подставке в виде кованой паутины оцепенело сидел паук с алым крестом на спине. Шудра прицепил к носу что-то типа монокля, и, низко склонившись, нацелил супер глаз на насекомое, почти касаясь его шершавых щетинок. – Карауль, Энтушка, карауль! – благостно произнёс гном. – Да не забудь про тренировки. Паук судорожно моргнул малахитовым глазом.

Но настроение «естествоиспытателя» снова резко переменялось. В голову лезли мысли, одна крамольней другой: про обманутых им гостей-вкладчиков, про неверных, пусть и услужливых слуг, и, наконец, про ТОТ САМЫЙ камень. Правитель вскочил, забарабанил пальцами по резной спинке трона; сел, снова встал, оттолкнув стоящего в недоумении грума. – А насчёт Курун-Чупра..., – начал Шудра, в который раз подходя к сфере, и снова косясь на гоблина. Это не предвещало ничего хорошего, и, пока Шудра вглядывался в игру цвета дульгиков, длинноухий слуга еле сдерживал дрожание своих конечностей, верхние из которых были сплошь унизаны диковинными перстнями. – Что... так и не было ни одного камня, сколько-нибудь похожего на наш? – переспросил тирлин.

– Все метеорита похёжь! А он, КЮРЮН-ЧУПРА, – одинь! – раболепно воскликнул Гамур, бросаясь на колени перед аквариумом, а шарик на его голове засиял чистым розовым светом. – Многояцветный столикый камень, да, и его не спутати ни с чем, даже с алмазом!!!

– А ты старику не лжёшь, не лжёшь, хоть его и в глаза не видел! – процедил тирлин, наблюдая за «светляком». – Это плохо! Просто отвратно! – неожиданно заключил он, переступая через ползающего в ногах слугу, причём, было не понятно, что именно он считает отвратным. – Копайте дальше..., интенсивней копайте! Да не забудьте, что он поющее..., это само, ...светящийся, тьфу, ну, прям, иллюминация какая-то, чес слово!

Монарх слабо представлял себе, как и где можно найти ТОТ САМЫЙ КАМЕНЬ.... Просто его непременно было нужно найти, и точка! Но никто, никто не должен догадаться о том, что правителя гложат сомнения. В голове крутились слова из текста пророчества, из петроглифов, найденных на стенах островных пещер: «Когда упавшие КАМНИ сложатся в МОСТ, вы

отыщите поющее-сияющий КУРУН-ЧУПР, отец НЕБЕСНЫХ КАМНЕЙ. Ибо, лишь он один позволит на время открыть расщелину между мирами... СЕРДЦЕМ, освободив МАСТЕРА ПЕРЕХОДА»...

В покои ввалился здоровый тролль с красными ручищами мясника. На нём был шипастый готический жилет.

– В Ко́рдельерах осталось т́ри семьи гномов, обычных гномов, чьи богатства не были учтены, – доложил тролль по имени Флай, и «шарик-индикатор» над его головой прояснился, став ярко-лимонным. – С ними работают наши лучшие кадры.

Шудра неохотно кивнул.

– В Альпах, парачика эльфов, очени богатых эльфов, три гремлины и целый десяток кобольдов! Их доставяти. Они согиясьны! – добавил Гамур, и его «светляк» стал молочно-розовым. – Вися пиланета пилятить нам, то исть вям дань!

Верзила незаметно пнул гоблина в бок.

– Конечно согиясьны... за такой-то процент! – расхохотался Шудра. – А у жадных нет выбора! – добавил он, но осёкся, понимая, на кого слуги подумают в первую очередь.

Но нет, он больше никого не хочет обманывать, да и в прошлый раз так вышло не по его вине. Когда-нибудь он выплатит им всё, всё, больше чем всё. Правитель подозвал топчущегося в дверях грума и тот уложил его на кушетку, аккуратно расставив склянки с растирками.

– Всё золото мира у ваших ног, – лстиво заметил карлик, проминая чувствительную точку чуть ниже лопатки.

Шудра сморщился от боли, но виду не показал.

– Да, я забыл доложить, – спохватился Флай. – На том вулканическом ост́рове в океане...

– Так что на том острове? – без особого интереса спросил правитель.

– Там... – Флай сделал эффектную паузу. – Там ти́рлотонны небесных камней.

А Шудра вздрогнул, неуверенно возразив:

– Но он был абсолютно пуст.

– То было «раньше. Метео́риты падают всюду, но там, отчего-то чаще, как дождь или град... – Флай загадочно усмехнулся. – И я думаю, нет, я твё́рдо знаю, что ТОТ САМЫЙ камень отыщется именно там!

– Надо же.... Как же это? С чего бы там? – глупо улыбаясь, переспросил Шудра.

– Я слышал, что вулканы...

– От Борвита?

– От кого же ещё, от Борвита, от Борвита. – на голубом глазу соврал хитрый тролль. – Что вулканы притягивают всё аномальное. А наш Курун-Чупр такой!

– Наш Курун-Чупр, мой Курун... я знаю, вне всяких. Само..., Это очень научно... Я доволен тобой, – медово пропел Шудра. – Ройте, да отроется; ищите... и да отыщется! А мы с Борвитом подготовим для вас телепорт, тирлопорт, как я его назвал – для беспрепятственной, так скаать, работы.

– А то Океан Невозможности, Океан Невозможности..., – сквозь зубы процедил Флай.

– Что-что? – не расслышал правитель.

– Сделаем всё, что в наших возможностях, – выкрутился Флай.

– Ах, ну да! А ты скок-поскок в норку – и сразу там. Это будет третий тирлопорт во всём мире! – Шудра буквально захлебнулся от перспектив.

– Есть, Светлый – Т'ресветлый, есть – найти тот самый камень! – возбуждённо пробормотал Флай.

– И не ходи ты в этом жутком жилете, на тебе..., – правитель кинул Флаю отороченную горностаем накидку.

– Вы это мне??? – лысый тролль застыл соляным столбом.

– Нет, конечно, я ты поверил? – расхохотался Шудра. – Ведь поверил же?!? – и уже более холодно. – Отдай слугам, пусть мех расчешут. – А ты зайдёшь к казначею, И, возьмёшь у него пригоршню, тирломеру золота: не троллемеру, а тирломеру, – косясь на огромные руки слуги, добавил он.

А тем же вечером этот разговор был продолжен, но настроение правителя уже было совсем другим.

– Есть па'ра тем, – уверенней, чем обычно, начал Флай. – Хо'рошая схема при небольших вложениях. Че'рез лет сто – сто пятьдесят лет мы сможем восстановить весь поте'рянный золотой запас, – деловито заключил он.

– Через сто пятьдесят лет ни меня, ни вас может не стать! – Шудра стал белее мела. – Не напоминать о Хранилище! – Я ж запретил, гнусы, в шахтах сгною! – Он закрыл руками лицо, сдерживая подступающую истерику. – Ушло, провалилось в расщелину между..., между... Мирами.... Всё, и нет и не было.... – Он что-то шептал, как в бреду, потом поднял голову, пристально вглядываясь в глаза подданных. – Вы мне что, тоже... не верите?

– Каки мёжина не верити?!? – испугался Гамур, чьи уши ещё гудели от прошлой взбучки. – Каки себе верими.

– Ве'рим и повинуемся, – медленно проговорил Флай, скрестив на ногах пальцы. – Наш Светлый-Тресветлый Шуд'ра! – и слегка склонил голову. Так никому не была заметна улыбка. – «Разрешите п'родолжить.... – Хозяин с трудом кивнул. – ...В Скандинавских Го'рах осталась последняя па'ра г'ремлинов, умеющих искать клады..., и волшебные камни.... Но они настолько д'ревние.... Ко'роче, мы можем их п'росто не довести, даже по Лисьему Лазу! У меня всё, – отчитался лысый, а над его головой разлилось чернильное облако. – Только вот ти'рлин.... – Добавил Флай, отгоняя пятно от себя.

– Всё пустое, не то! Что ещё, что за тирлин?!? – вскинул брови правитель. – Он привстал, сияясь разглядеть растворяющуюся в воздухе тучку. – Светлячки-то врать не дадут! – Подслеповатый гном стал нащупывать свой супер-глаз, минуту назад собственноручно положенный на парчу трона. Но подушка была пуста. Слуги от мала до велика были подняты на ноги. Энтото готовился по щелчку хозяина бросить в воздух отряды дульгиков.

Паучок, сверкая крестом, рванул с места, мгновенно нагнал двух беглецов и вернув их обратно. Третий же был аккуратно выловлен прямо на голове правителя. Спустя пять минут, так же неожиданно нашёлся и сам супер-глаз, причём, на той же подушке.

– Спасибо, Энтушко, – произнёс подобревший Шудра, чьё настроение менялось, как вольный ветер. – Будь с ними построже, – Добавил монарх, пересаживая крестовика с локтя на подлокотник трона. Паучок заморгал, что, по всей видимости, означало согласие.

– Эльф Эдвин, ти́рлин Блум, кажется, и с ними какое-то, неопознанное нами насекомое, да, и выме́ршая, – закашлялся Флай. – ...Казалось бы, выме́ршая ископаемая птица... бежали ..., – поправился он. – Хоть по законам плато это и... невозможно.... Сюда можно войти, но... отсюда не выйти...

– Что?! – глаза Шудры налились кровью, и, казалось, он замертво рухнет оземь, столь ужасен был его гнев. Гамур выплеснул на босса кувшин росы, и, пока тот костеря всё живое, отряхивался, грум давил на точки реанимации. Один лишь Флай молча и холодно наблюдал за происходящим. – Если план осуществится, кто угодно последует их примеру! – бесновался косматый. – Зачем, куда двинулись?!? Остановить немедленно! Запечатать шахты! Все входы и выходы..., кроме Лисьего, это самое, Лаза.

Последние слова он буквально проскрежетал. Шудра сверкал очами и топал ногами, грозясь всех сгноить в шахтах. Потом столько же сидел, уставясь, как крестовик, в одну точку, в который раз поклявшись себе думать и говорить только о позитивном.

«Выпустив пар», Шудра велел привести Торная.

Торнаем звался летающий робот-дракон, изобретённый искуснейшим умом Борвита. К слову сказать, Борвит был не только единственным на Плато учёным, но и единственным человеком, попавшем в эти края по воле судьбы.

– Торнай-Джян в доработка, – заелозил Гамур. – Маленикай такой доработка, виродея хивоста или галявы. Борвит-сан киянётся падаготовить его к васему кюшанью!

– То бишь, к обеду! – объяснил Флай. – Мы остановим их! Обещаю, ситуация с феями больше не повто́рится!!!

– С феями?! – сквозь зубы проскрипел Шудра. – Ну что за день за такой?

Он подошёл к окну. Там, в центре большой поляны десятка два гномов водружали флаг с тирлинской символикой.

«Тирлинская символика (на гербе плато и государственном флаге) – это кирка и тележка с сокровищами. В верхнем правом углу – перечёркнутые синие крылья, «в память» о предательском бегстве крылатых, а в нижнем левом – девиз тирлинов: «СОБРАВ— ОТДАЙ, тебе ЗАЧТЁТСЯ!»

Из дневника Эдвина Торнслипта

И ведь именно он, Шудра не вернул сокровища тем самым гномам, эльфам и гоблинам. О, если бы они могли понять, почему.

– Не напоминать об этих ведьмах! Никогда, само..., ни в какой жизни! – Великий Тирлин бухнулся на трон, чуть не придавив паука. – Чесалку ко мне, и..., Энтомо, тащи сюда дульги-ков! Сколько сможешь, тащи!

Глава 5

ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЁВРЫ

«Темнело. Небо то и дело озарялось падающими звёздами, превращающими каждый вечер на острове в красочное многоцветное шоу. И хоть я и терпеть не могу летать, мне пришлось снова лететь впереди, волоча за собой повозку с дрыхнувшей Птерой. Друзья мои плелись следом, перепрыгивая через рытвины и водомоины, которых становилось всё больше; шли до тех пор, пока заднее колесо намертво не застряло в одной из них.

Пока вытаскивали повозку, в тирломиле от нас упал крупный метеорит. Со стороны Причёсанного леса и ближних холмов к нему стали сбегаться тирлины, и нам пришлось свернуть на обочину, прячась от любопытных глаз. Но и в стороне от дороги мы едва не столкнулись с группой подвыпивших троллей, копошащихся в земле в поиске небесных камней».

Из дневника Эдвина Торнслипта

Гружённые до края телеги с гномами проскрежетали по мосту, под которым спряталась наша четвёрка. Не успели гномы скрыться за ближним леском, как мимо Эдвина и компании на бреющем полёте пронёсся исполинский дракон, из пасти которого, как и положен, изрыгалось адское пламя.

– Торная-то как сюда занесло?! – простучала зубами Птерка, после того, как тот с грохотом скрылся, чиркнув крылом по мосту. – Что ему в тирлинских садах не живётся? – Она прощупала крылья, на всякий случай, пересчитав остатки перьев в хвосте. – Целы, а то была бы я как палёная курица!

– Слышал я про эти сады! – зевая, продолжил Блум, словно речь шла не о драконе, а о какой-нибудь привычной ерунде. – Так..., замануха для слабовольных существ....

Бося осторожно заглянула в щель между досками:

– Говорят, в этих садах Шудра что-то внесуветное выращивает, – сказала она. – Может, это и был дракон?

– Если это не сказки! – заметил Эдвин.

– ...И не внесусветное, а только лишь взнезменное, – подхватил Блум, черпающий информацию из слухов. – Так..., Дульгигов, светляков-настроениеглотателей. Например, у вас плохое настроение, подошли к ним, а его и нет.... Весь негатив сожрали....

– А если хорошее?! – спросила Птера. – Они и его сожрут?

– Тогда и подходить не надо, – оборвал её Блум. – Лежи себе да нектар с цветочков посасывай. Не об этом нужно думать сейчас, а о том, чтоб до океана добраться, пока нас этот истребитель не запеленговал.

– Судя по полёту, Торнай здесь что-то искал: что-то или кого-то! Дедуктивное чутьё подсказывает мне, что он не нашёл это ЧТО-ТО, значит, этого ЧТО-ТО здесь не было, или...

– Или он его не заметил, – договорил эльф. – Потому что оно, это что-то, то есть мы были не здесь, а под мостом.

– Но ведь он сюда уже никогда-никогда не вернётся?!? – на глазах «будущей бабочки» выступили росинки слёз.

– Уже скучаешь?!? Но ведь он никогда больше не будет куфать маленьких гусениц, и челюфечков с птичками?!? – передразнил Босю гном, после чего гусеница быстро замахала ресницами, словно отгоняя страшные мысли.

– Обязательно вернётся, – сказал Эдвин. – Если нас ищет Торнай, всё очень и очень плохо, Это значит, Шудра бросит в погоню гнусов!

– А кто такие эти гнусы? – наивно поинтересовалась Бося.

– Ты разве не знаешь, что мир делится на тирлинов, эльфов, фей, гнусов и..., – с удивлением спросил её Блум.

– И гусениц, – покраснев, добавила та.

– Ну да, ну да.... Но гнусы ужасней всех, – смущённо пояснил Блум.

– Гнусы, это гномо устрашающие человечки, внешне, такие же гномы, как мы, вернее, как Блум, – развёрнуто объяснил Эдд. – Поверь, ничего личного.

– Как я?! Надо ж такое сморозить? – надулся тирлин, и, покраснев, добавил. – Вида-то моего, но только я – мил, а эти – до жути гнусные! Ещё есть великаны – ловеки, по крайней мере – один. Так вот он продался тресветлому, ну, и конструирует для него всяких роботов.

– И эта махина, этот Марнай-Торнай, что, его робот? – выкатила глазки Бося.

– Да, о нём рассказывала ещё моя бабушка, а она жила по-соседству с Тирлинником! – сбивчиво проговорил Блум.

– Никто из нас не видел великанов-ловеков, – изрёк Эдд? отведя взгляд. – Но у нас есть великанская пуговица-талисман и с ней мы обязательно дойдем до океана!!

– Ну, дойдём мы до океана, а дальше-то что!? – спросила Бося. – Потолпимся, потявкаем над ним, да и развернёмся назад. – А я своё главное превращение проморгаю.... – Пессимистично закончила она.

– Если кто будет тявкать, то только ты! – прервала её Птера. – А я, может, наберу свою главную высоту, достигну, так скаать, своей настоящей планки. – Она распушила остатки хвоста.

– Да уж..., а потом с этой «планки» сразу в штопор ввинтишься?!? Кому тебя потом со скал соскребать?!? – Блума буквально передёрнуло от такой перспективы, однако Птероппия обиженно промолчала.

– Надо выработать приемлемую стратегию, – сказал Эдвин, ковырявший палкой песок, где обозначились какие-то контуры. – Итак, пойдём топами к Затхлону Болотцу; оттуда к Глиняным Копям, а там уж и до Тирлинских Шахт рукой подать!

– Топями к Копям, Копями к Топям, – воодушевилась Босильда.

– Там нас точно никто не ждёт, – озаботился Блум, чьи медвежьи уши заняли боевую позицию.

– Надеюсь, что никого, кроме пары охранников, занятых присмотром за работающими там гномами, мы не встретим, – эльф необычайно серьёзно взглянул на гнома. – Вначале мы проведём ряд отвлекающих манёвров, и по Лисьему Лазу проберёмся до края плато, где, по моим расчётам, и должен быть океан-Океан Невозможности.

– На твоей карте больше ничего нет, значит, и на всей земле тоже, – выдвинула гипотезу Птера, вертя перед носом картой. – Может, там вообще КРАЙ МИРА?!? И что это за отвлекающие манёвры?

У Боськи резко кончился воздух. Не эта ли наглая птица клятвенно обещала перенести их через океан в Феистый Дол??? Выходит, она лгала??? Блум изо всех сил сдерживал волнение, вытворяющее с его меховыми ушами странные штуки: заставляющее их, то липнуть друг к дружке, то разбегаться в разные стороны. Птеропопия истерически хохотала, и только Торнслипт сохранял невозмутимое и какое-то ненормальное спокойствие.

Тем временем правитель нервно прохаживался по аллеям своих садов, а за ним семенил тот же грум с длинной палкой, то и дело почёсывающий спину хозяина. Наконец, Шудра вызвал к себе Флая с Гамуром и советника, похожего на крупного покоцанного пса.

– Когда ж это кончится? Это само, – возопил Шудра. Поперхнувшись неблагозвучным словом, гном с косичками прошил взглядом каждого по отдельности. – Я спрашиваю вас, безмозглые тупые создания, когда остров вернётся к обычной жизни?!

Было непонятно, что именно главный Тирлин подразумевал под обычной жизнью: обычные шахтёрские гномичьи будни, или его ОБЫЧНУЮ жизнь правителя?!? При этом Флай остался стоять, как стоял, а Гамур, плохо соображая, беспрестанно кланяться, как болванчик. Шудра махнул рукой, и поклоны сразу же прекратились.

– Дделаем всё в... ввозможное..., но, похоже, негодяи успели скрыться, – ответил белый, как мел, советник.

Пока хозяин ходил взад-вперёд по центральной аллее, грум со своей палкой-чесалкой пытался следовать за ним, то и дело цепляя монаршую спину загнутыми крючковатыми пальцами.

– Мы не были готовы к столь чрезвычайной ситуации, полагая.... – Бедняга запнулся, подыскивая нужное слово.

– Полагая, что она не наступит?! – закончил его мысль Шудра, вырывая у грума чесалку. Выведенный из равновесия тирлин зашвырнул её в кусты, чуть не попав в советника. А обиженный лилипут засеменял по аллее, засаженной колючими лиловыми цветами.

– Да, хозяин, но до океана им не дойти! – заверил советник, потирая ушибленную голову. – Не могут же они пройти через

– Это исключено! – отрезал босс. – В Лисий Лаз они не войдут. – Шудра взглянул на небо, как-то отрешённо поинтересовавшись. – А где наша механическая игрушка?!

Флай с Гамуром сделали два шага вперёд.

– То’рнай час назад вернулся, – произнёс лысый.

– Золотохвостенький мой! – разулыбался тирлин, однако взял себя в руки, придав лицу былую серьёзность. – Каковы результаты поиска?

– Пока никаковы, всё чисто..., – сухо ответил Флай.

– Мне не зачистки ваши нужны, а результат! – возмутился правитель. – Пошлите дракона снова, и Борвита ко мне, немедленно!

Ветер поднял стаю уток, живущих на озере в ста метрах от Тирлин-Дома, сорвал шапки со слуг и даже взьерошил уши и косички Верховного Тирлина.

– Неужели нельзя убрать этот лурацкий ветер?! – заорал Шудра, еле держась на ногах. – Я сказал, само..., позвать Борвита, а не тащить эту змеюку сюда!

– Изде’ржки техники! – оскалился Флай, отходя от стены. – Это он в Тирлин-Дом влетает.

– Большой шалывэк сейчас тирудитси какы раз над этимь, – «промяукал» Гамур. – Он кажети, если убрать ветродуй, Торнай-Джан начинёт сильно парити, а без жара так и летать не сможети. ... И есть есё одно маленикое-пиремалинькое «НО»!

Но этого «НО» Шудра уже не слышал. Из коридора повеяло с новой силой, а в ушах зашумело, как у Ниагарского водопада. И в покои ворвался длинный, как двадцать удавов, золотохвостый Торнай.

Что делает птица, стремясь увести охотника от гнезда с птенцами? Конечно же, отвлекает его на себя. Нечто подобное предстояло сделать и нашим героям. Эдвин всегда что-то придумывал! На этот раз в его рюкзачке нашлась пара пустых бутылок, порошок магния и знакомая всем марганцовка. Когда же эльф стал поспешно заталкивать всё это внутрь прозрачно-зелёной ёмкости, Бося подняла панику, требуя перенести её на другой край поляны. Эдвин успокоил девушку, объяснив, что ЭТО никакое не взрывное устройство, а простейшая имитация падающих метеоритов!

«По моим расчётам град небесных камней должен был привлечь гнусов-тирлинов к юго-востоку: то есть в прямо противоположную сторону от той, где они сейчас находились. Оставалось неясным, кто рискнёт остаться произвести запуск такого „салюта“, и Блум предложил тянуть жребий».

Из дневника Эдвина Торнслипта

– Лично я вызвалась перекинуть вас через океан, и только-то, – спохватилась Птера, (говоря об океане Невозможности, как о небольшой луже). – ...И не собираюсь болтаться на вертелах ихней братии, как редкий экземпляр юрской дичи.

– А я уже почти превратилась! – крикнула Бося с ветки. – С меня даже старая кожа слезает!

– Не ври! Кожа у тебя от солнца облезет! – остудил её Эдд. – Ну, а ты что скажешь, старина? – Обратился он к Блуму.

– Я?! А что, я готов! – неожиданно для всех, (а может, и для себя самого) выпалил гном. – Не в пример вам всем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.